

УДК 343.232:070.13
ББК 67.408+76.000.0

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЯ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ РАСПРОСТРАНЕНИЮ «ФЕЙКОВ» УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

А. Н. Сабуров

Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия)

Новые составы преступлений, содержащиеся в ст. 207¹, 207², 207³ и 280³, введенные в Уголовный кодекс Российской Федерации в 2020 г., направлены на противодействие распространению «фейков», т. е. заведомо ложной общественно значимой информации, несущей в себе социальную опасность. На основании обобщения практики и разъяснений высших судебных инстанций раскрывается сущность общественной опасности преступлений. В статье анализируются объективные и субъективные критерии определения общественной опасности преступлений и малозначительности деяний, а также правоприменительная практика их использования в отношении «фейковых преступлений» и дискредитации Вооруженных сил Российской Федерации, действий и решений органов государственной власти. Указывается, на какие именно критерии следует обращать внимание при решении вопроса о «малой значимости» подобных преступлений. Делается вывод о сложности применения субъективных критериев установления малозначительности деяний ввиду небольшого количества уголовных дел по указанным статьям УК РФ и отсутствию практики применения по ним ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Ключевые слова: фейки, общественно значимая информация, недостоверность информации, заведомо ложная информация, степень общественной опасности, малозначительность деяния, дискредитация Вооруженных сил

CRITERIA FOR ASSESSING THE INSIGNIFICANCE OF AN ACT IN COUNTERING THE SPREAD OF FAKES BY CRIMINAL LAW MEANS

A. N. Saburov

Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

The new crimes contained in Articles 2071, 2072, 2073 and 2803, introduced into the Criminal Code of the Russian Federation since 2020, are designed to counter the dissemination of the so-called «fakes», that is, deliberately false socially significant information that carries a social danger. Based on the generalization of the practice and comments of the highest judicial authorities, the essence of the social danger of crimes is revealed. This article analyzes the objective and subjective criteria for determining the social danger of crimes and the insignificance of acts, as well as the law enforcement practice of their use regarding «fake crimes» and discrediting the Armed Forces of the Russian Federation, actions and decisions of government bodies. It is indicated which criteria should be paid attention to when deciding on the «minor significance» of such crimes. A conclusion is made about the difficulty of applying subjective criteria for establishing the insignificance of acts due to the small number of criminal cases under the specified articles of the Criminal Code of the Russian Federation and the lack of practice of applying Part 2 of Art. 14 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: fakes, socially significant information, unreliability of information, knowingly false information, degree of public danger, insignificance of the act, discrediting the armed forces

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)2.14](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)2.14)

В 2020 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации были введены новые составы преступлений, целью которых стало противодействие распространению заведомо ложной общественно значимой информации, — то, что принято сейчас называть «фейками» (от англ. *fake* — «подделка»). Прежде всего, это ст. 207¹ и 207² УК РФ, введенные в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19: «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия» [1]. В связи с начавшейся специальной военной операцией в 2022 г. УК РФ был дополнен ст. 207³ и 280³ — «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил РФ...» и «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных сил РФ...» [2].

Авторы законопроекта о криминализации деяний, предусмотренных ст. 207¹ и 207² УК РФ, справедливо полагали, что общественная опасность «фейков» кроется во введении людей в заблуждение, их дезориентации, противодействии принимаемым властями мерам по стабилизации ситуации в связи с распространением коронавируса [3], а поправки, как было указано в заключении Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, будут «способствовать обеспечению защиты граждан Российской Федерации от угрозы распространения инфекционных заболеваний» [4].

В законодательстве Российской Федерации понятие «фейк» не используется и, следовательно, его легального определения нет. В уголовном законе используется понятие «заведомо ложная общественно значимая информация», которое Верховный Суд РФ, обобщив и проанализировав судебную практику, раскрывает как изначально не соответствующие действительности сведения, данные, сообщения, о чем было достоверно известно распространившему их лицу [5]. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» оперирует понятием «недостоверная общественно значимая информация», понимая под ним распространяемую под видом достоверных сообщений информацию, создающую угрозу или повлекшую впоследствии причинение вреда жизни и здоровью граждан, их имуществу, массовое нарушение общественного порядка, общественной безопасности, препятствия в функционировании или полное прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, инфраструктуры, промышленности, энергетики, связи, а также создающую угрозу или повлекшую иные тяжкие последствия [6].

Следует отметить, что понятие «заведомая ложность» более узкое по смыслу, чем «недостоверность», поскольку последнее может включать в себя как ложь, так и фактологические неточности и ошибки, кроющиеся в правдивых сведениях, а также недостаточная надежность самого источника информации [7, с. 139].

Это необходимо учитывать, когда ведется речь о субъективной стороне указанных выше преступлений, о прямом умысле как форме вины, так как лицо, их совершившее, могло добросовестно заблуждаться и искренно, убежденно верить в достоверность ложной информации.

Нужно признать, что в судебной практике и практике правоохранительных органов установилась презумпция достоверности исключительно официальной информации, предоставляемой органами государственной власти и их представителями, в то время как недостоверной признается информация, которая противоречит официально заявленной позиции государства и его органов.

Как следует из материалов уголовных дел, обвиняемый, не обладающий, как правило, должными навыками в журналистской деятельности и соответствующими возможностями для верификации сообщений, зачастую точно не знает, истинна или ложна распространяемая им информация [7, с. 138]. В особенности это касается дел, связанных с фейками о Вооруженных силах РФ и их дискредитации, поскольку в условиях боевой обстановки и общего информационного вакуума достаточно трудно оценить и проанализировать получаемые сведения, которые корректируются в дальнейшем и нуждаются в «фактчекинге», т. е. проверке на фактическую точность. На практике признается официальным только один источник информации — сообщения Министерства обороны Российской Федерации.

Так, в приговоре по уголовному делу № 1–418/2023 от 17.05.2023 г. Йошкар-Олинского городского суда указывалось, что размещение подсудимым в администрируемых только им профилях с учетной записью на видеохостинге «YouTube» и социальной сети «ВКонтакте» заведомо ложной инфор-

мации об использовании Вооруженных сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности подтверждается материалами брифингов Министерства обороны РФ на основании проведенных лингвистических экспертиз [8].

Согласно Обзору судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2020 г. для привлечения к уголовной ответственности по ст. 207¹ УК РФ — формальному составу преступления — необходимо, чтобы публичное распространение фейка само по себе представляло реальную общественную опасность, имело способность влиять на общественное спокойствие и психологическое состояние социума, вследствие чего, например, могло бы произойти нарушение правопорядка или была бы спровоцирована массовая паника [9]. Адекватная оценка реальности и степени общественной опасности распространяемой социально значимой лжи представляет собой трудную задачу для правоприменителей, так как указанные категории являются оценочными, дискредитационными, по которым в практике отсутствует единый подход. Как отметил судья Конституционного Суда РФ К. В. Арановский, общественная опасность представляет собой как объективный риск, который в то же время нельзя точно измерить и выразить, так и субъективное представление законодателя. И мера этой опасности выражается в уголовном законе в обобщенной, нормативной, условной оценке деяния и его границ, чтобы суд имел возможность «в этих пределах квалифицировать опасность отдельных преступлений по отдельным уголовным делам» [10].

Высшая судебная инстанция отмечает, что определение судом степени общественной опасности деяния зависит от конкретных обстоятельств дела: во-первых, учитываются характер и размер наступивших последствий деяния; во-вторых, способ совершения преступления; в-третьих, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии; в-четвертых, вид умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (небрежность или легкомыслие). Также принимаются во внимание как смягчающие наказание обстоятельства, так и отягчающие [11].

Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ деяние, формально обладающее всеми правовыми признаками преступления, но не несущее в себе общественной опасности как социальное явление, является малозначительным [12]. Однако несмотря на кажущуюся простоту дефиниции, единого понимания данного уголовно-правового явления и определения его критериев в правоприменительной практике и научной доктрине не существует. Теоретические мнения по этому поводу разнятся настолько, что учитывать их на практике крайне затруднительно [13, с. 140].

Верховный Суд РФ определил помимо объективного критерия установления малозначительности действия (бездействия), предполагающего наличие всех признаков состава преступления, некоторые субъективные критерии, перекликающиеся с критериями определения степени общественной опасности: характер совершенного деяния; степень тяжести наступивших последствий; роль лица в его совершении; содержание мотивов и целей лица, а также иные, не представляющие криминальной социальной опасности обстоятельства. Помимо прочего высший судебный орган отметил, какие обстоятельства не могут влиять на трактовку деяния как малозначительного, — это обстоятельства, относящиеся к личности (отсутствие судимости, положительные характеристики с места работы и жительства, физическое состояние здоровья и другие) и его постпреступному поведению (добровольное заглаживание и возмещение вреда, имущественного ущерба, оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления и др.) [14]. Данные факторы характеризуют лицо и применяются для индивидуализации наказания, но не указывают на общественную опасность деяния и не влекут признания его малозначительным.

Так, в Ханты-Мансийском автономном округе — Югры гражданин разместил в открытой группе в социальной сети «ВКонтакте» сообщение о том, что он якобы является носителем инфекции коронавируса и заражает других людей при прогулке по улицам города. За распространение данной недостоверной информации его привлекли к ответственности по ст. 207¹ УК РФ. Впоследствии суд удовлетворил ходатайство следователя о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, поскольку было совершено преступление небольшой тяжести и гражданин публично извинился в том же «публице», где ранее разместил ложное сообщение [15]. Как видим, указанное деяние не было квалифицировано судом как малозначительное — лицо все же понесло наказание, но в облегченном виде в результате оценки судом личности подсудимого и его дальнейшего поведения.

Не стоит считать, что деяния с формальными составами преступлений не могут быть признаны малозначительными ввиду отсутствия в их конструкции такого квалифицирующего признака, как последствия. Как отмечают некоторые авторы, по сравнению с материальными составами формальные сконструированы законодателем с большим уровнем абстракции, следовательно, включают в себя более широкий круг предусмотренных ими деяний. Соответственно, повышается вероятность того, что «в сферу их охвата могут попасть деяния, общественная опасность которых явно не соответствует криминальному уровню» [13, с. 142].

Возникает также вопрос о степени влияния опубликованного фейка на умы и настроения граждан, на положительное отношение к органам власти и государству в целом, на правовую оценку социально опасных последствий действий по фейковизации информации и дискредитации Вооруженных сил РФ и властных органов, касаясь ст. ст. 207³ и 280³ УК РФ.

Так, в приговоре Завьяловского районного суда Удмуртской Республики от 28.11.2024 г. по резонансному делу Дмитрия Талантова, обвиняемого, в частности, по п. «а», «д» ч. 2 ст. 207³ УК РФ, судом отмечалось, что подсудимый «продолжительное время являлся президентом Адвокатской палаты УР и имел возможность оказывать влияние, исходя из значимости и авторитета занимаемой им должности, на других адвокатов, входящих в состав палаты, т. е. использовал свое служебное положение», что, по мнению адвокатского сообщества, довольно спорно из-за неясности того, каким образом личное мнение в совокупности со служебным положением и должностными полномочиями осужденного могли воздействовать на адвокатов, входящих в палату [16]. Подобная оценочность выводов суда демонстрирует сложность в применении такого критерия определения малой значимости преступления, как степень социальной опасности последствий деяния и влияния на аудиторию. Представляется, что суды должны оценивать в том числе широту охвата аудитории, которая могла быть подвержена влиянию ложной общественно значимой информации, и ее «отклик» на те или иные фейковые или дискредитирующие органы государственной власти публикации, могущие привести к неблагоприятным и даже социальным последствиям, — массовой панике, общественным волнениям, актам насилия.

Что касается материального состава преступления — ст. 207² УК РФ — и субъективных критериев установления малозначительности, то здесь проблема заключается в сложности или даже невозможности доказывания наличия причинно-следственной связи между опубликованием ложных сообщений и причиненным вредом здоровью потерпевшего или его смертью именно из-за принятой во внимание им недостоверной информации. Показателем этого является то, что за 2023 г. в принципе по данной статье к уголовной ответственности был привлечен только один человек [17].

Возвращаясь к вопросу о субъективной стороне «фейковых преступлений» и применении ч. 2 ст. 14 УК РФ, следует заметить, что в литературе большая часть ученых-правоведов придерживается мнения о возможности признания малозначительными деяниями, лишь имеющими форму вины в виде прямого или косвенного умысла, полагая, что если при совершении «неосторожного» преступления наступили менее тяжкие последствия, чем это описано в диспозиции статьи, то в деянии отсутствует состав преступления как таковой. Уголовный закон в ст. 207¹–207³ использует термин «заведомо», указывая именно на умышленный характер действий, а значит, малозначительность должна быть признана именно при направленности умысла на совершение деяния малой значимости.

Однако вместе с тем существует иная точка зрения, указывающая на возможность признания малозначительности деяния при условии недостаточно четкого определения границ последствий совершения преступления, возникших по неосторожности [18]. В пример можно привести ч. 2 ст. 207² УК РФ, где указан признак «повлекшие по неосторожности... иные тяжкие последствия».

Показателен следующий пример. Согласно обстоятельствам уголовного дела № 10–0816/2021 гражданка Храпченкова, 09.05.2020 г., в своем аккаунте в веб-сервисе «ТikТок» разместила изготовленный ею видеоролик, содержащий заведомо ложную информацию о том, что в одном из магазинов товар, являющийся гуманитарной помощью и не предназначенный для продажи, реализуют за плату. Обвиняемая самостоятельно приобрела за плату в магазине упаковку товара «Маска одноразовая трехслойная, немедицинская», запечатлев его на видеокамеру своего смартфона с устным комментарием о том, что данные маски являются реализуемой за плату гуманитарной помощью.

По мнению стороны обвинения и суда первой инстанции, подсудимая действовала из желания увеличить аудиторию своей страницы в социальной сети, с осознанием общественной опасности своих действий и с прямым умыслом на публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации в период распространения инфекции COVID-19, «предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде угрозы дискредитации органов власти, провоцирования возмущения и беспокойства у населения, посылы к ложным действиям, и желая этого». Следствием было установлено, что продемонстрированные Храпченковой в указанной публикации средства индивидуальной защиты не являются гуманитарной помощью, а сама подсудимая не предприняла меры по выяснению точной и достоверной информации о масках.

Изучив материалы дела, суд апелляционной инстанции посчитал, что доказательств наличия реальной общественной опасности распространенной Храпченковой информации и риска причинения вреда охраняемым уголовным законом отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности стороной обвинения не представлено. Кроме того, не был доказан умысел подсудимой на распространение именно заведомой лжи в своей публикации и того, что она якобы достоверно знала о непринадлежности масок к гуманитарной помощи.

Исходя из вышеуказанного, суд апелляционной инстанции своим решением от 17.03.2021 г. постановил отменить приговор первой инстанции и прекратить уголовное дело в отношении подсудимой за отсутствием состава преступления [18].

Подводя итоги, можно отметить, что суд, указывая на недоказанность возможности причинения вреда охраняемым уголовно-правовым ценностям в сфере обеспечения общественной безопасности действиями гражданки Храпченковой и недостаточный уровень опасности для общества распространяемой ею информации, теоретически мог прийти к выводу о малозначительности указанного деяния [19]. Однако именно отсутствие умысла у подсудимой на распространение заведомого фейка и фактическое ее заблуждение подвело суд к решению о прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления.

Резюмируя все вышесказанное, исходя из судебной практики, можно выделить основные критерии для определения деяния малозначительным, на которые следовало бы обращать особое внимания применительно к «фейковым» составам преступления, но и они являются достаточно условными и сложными в использовании на практике:

1. Наличие всех элементов и признаков состава преступления как формального основания уголовной ответственности — объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны — объективный критерий.
2. Отсутствие реальных социально опасных последствий деяния в виде нагнетания обстановки в социуме — паника, общественные волнения и т.д., а также невысокая степень влияния опубликованного «фейка» на аудиторию, отсутствие «отклика» или «обратной связи» от нее.
3. Направленность умысла на совершение именно малозначительного деяния.

Исходя из всего вышеизложенного, можно заключить, что положения о малозначительности деяния в целом отдаются на откуп судебной дискреции. Институт малозначительности применительно к «фейковым преступлениям» по своей сути еще не сформирован ввиду относительно небольшого количества уголовных дел и отсутствия практики применения по ним ч. 2 ст. 14 УК РФ. Необходим более детальный подход к разрешению спорных вопросов, которые должны отразиться не только в Обзорах судебной практики Президиума Верховного Суда Российской Федерации, но и в более подробных разъяснениях в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 100-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 27.01.2025).
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 04.03.2022 г. № 32-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 27.01.2025).

3. Правозащитники нашли 200 случаев преследования за фейки о COVID-19. Против кого возбуждают дела о ложных сведениях // 15.06.2020 г. URL: <https://www.rbc.ru/society/15/06/2020/5ee2424b9a794758f62d3628?ysclid=m6nzx7kaxm885216892> (дата обращения: 29.01.2025).

4. Заключение Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Федерального Собрания Российской Федерации № 8.1–05/2170 от 31.03.2020 г. по Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (проект № 929651–7), принятому Государственной Думой 31 марта 2020 г. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/929651-7> (дата обращения: 29.01.2025).

5. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 27.01.2025).

6. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (в ред. 23.11.2024) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.02.2025).

7. Рубцова А. С., Устинова Т. Д. Распространение ложной информации (фейков) как уголовно наказуемое деяние // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2024. № 4. С. 135–140.

8. Приговор Йошкар-Олинского городского суда от 17.05.2023 г. по уголовному делу № 1–418/2023. URL: <https://судебныерешения.рф/> (дата обращения: 29.01.2025).

9. «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 27.01.2025).

10. По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа : Особое мнение судьи К. В. Арановского в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 г. № 32-П // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 31.01.2025).

11. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 г. № 58 (в ред. 18.12.2018) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 04.01.2025).

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.01.2025).

13. Корсун Д. Ю. Общая характеристика деяний, которые могут быть признаны малозначительными (ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 140–146.

14. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 г. № 11 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.02.2025).

15. Постановление Нефтеюганского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 27.05.2020 по делу № 1–305/2020 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 27.01.2025).

16. Изготовлен полный текст приговора Дмитрию Талантову. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/izgotovlen-polnyy-tekst-prigovora-dmitriyu-talantovu/> (дата обращения: 31.01.2025).

17. Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 31.01.2025).

18. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. Информация по делу № 10–0816/2021. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/9e7ddd30-5660-11eba327-033261c6487f?ysclid=m6w8pf7ty2568682941> (дата обращения: 31.01.2025).

19. Пережогина Г. В., Шапель А. И. Некоторые вопросы уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 3. С. 135–139.

20. Осадчая Н. Г., Попов А. А. Малозначительность деяния в уголовном праве России и критерии ее определения // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2018. № 11–3. С. 123–125.

REFERENCES

1. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law from 01.04.2020 № 100-FZ // JPS “Consultant Plus” (access date: 27.01.2025).
2. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 04.03.2022, No. 32-FZ // JPS “Consultant Plus” (access date: 27.01.2025).
3. Human rights activists found 200 cases of prosecution for fakes about COVID-19. Against whom cases of false information are brought // 15.06.2020 <https://www.rbc.ru/society/15/06/2020/5ee2424b9a794758f62d3628?ysclid=m6nzx7kaxm885216892> (access date: 29.01.2025).
4. Conclusion of the Federation Council Committee on Constitutional Legislation and State Construction of the Federal Assembly of the Russian Federation No. 8.1–05/2170 of 31.03.2020 on the Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” (draft No. 929651–7), adopted by the State Duma on 31 March 2020. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/>
5. Review on certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counteract the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) on the territory of the Russian Federation № 2 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 30.04.2020) // JPS “Consultant Plus” (access date: 27.01.2025).
6. On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal Law dated 27.07.2006 No. 149-FZ (ed. 23.11.2024) // JPS “Consultant Plus” (access date: 03.02.2025).
7. Rubtsova A. S., Ustinova T. D. Dissemination of false information (fakes) as a criminally punishable act // *Vestnik of O. E. Kutafin University*. 2024. № 4. P. 135–140.
8. Verdict of the Yoshkar-Ola City Court of 17.05.2023 on criminal case № 1–418/2023. URL: <https://cy-debnyeresheniya.rf/> [website] (access date: 29.01.2025).
9. Review on certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counteract the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) on the territory of the Russian Federation № 1 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 21.04.2020) // JPS “Consultant Plus” (access date: 27.01.2025).
10. On the case of verification of the constitutionality of the provisions of Article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Salekhard City Court of the Yamalo-Nenets Autonomous District: The dissenting opinion of Judge K. V. Aranovsky in the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.12.2014, № 32-P // JPS “Consultant Plus” (access date: 31.01.2025).
11. On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.12.2015, No. 58 (as amended on 18.12.2018) // JPS “Consultant Plus” (access date: 04.01.2025).
12. Criminal Code of the Russian Federation from 13.06.1996 N 63-FZ (ed. of 28.12.2024) (with amendments and additions, effective from 08.01.2025) // JPS “Consultant Plus” (access date: 03.01.2025).
13. Korsun D. Y. General characteristics of acts that can be recognised as insignificant (part 2 of article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation) // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. № 2. P. 140–146.
14. On the practice of consideration by the courts of criminal cases of crimes against military service: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 18.05.2023 № 11 // JPS “Consultant Plus” (access date: 01.02.2025).
15. Resolution of Nefteyugansk District Court of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra from 27.05.2020 on the case № 1–305/2020 // JPS “Consultant Plus” (access date: 27.01.2025).

16. The full text of the verdict to Dmitry Talantov has been produced. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/izgotovlen-polnyy-tekst-prigovora-dmitriyu-talantovu/> (access date: 31.01.2025).

17. Judicial statistics of the Russian Federation. URL: <https://stat.ани-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (access date: 31.01.2025).

18. Official Portal of the Courts of General Jurisdiction of Moscow — Information on Case No. 10–0816/2021. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/9e7ddd30-5660-11eb-a327-033261c6487f?ysclid=m6w8pf7ty2568682941> (access date: 31.01.2025).

19. Perezhogina G. V., Shapel A. I. Some issues of criminal liability for public dissemination of knowingly false information (Art. 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. № 3. P. 135–139.

20. Osadchaya N. G., Popov A. A. Malosignificance of an act in the criminal law of Russia and criteria for its definition // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2018. № 11–3. P. 123–125.